

**Виктор Александрович Хорев, *Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки)*, „Индрик”, Москва 2012, сс. 238.**

В 2012 г. в Москве издана книга Виктора Александровича Хорева *Восприятие России и русской литературы польскими писателями*, состоящая из 14 очерков, *Библиографической заметки* (с. 225–226), *Указателя имен* (с. 227–238) и короткого вступления *О России и русской литературе в польском сознании* (с. 7–22). Все очерки посвящены восприятию России, русской литературы и культуры теми польскими писателями, которые высоко ценили, любили, знали и изучали русскую литературу. Это прежде всего авторы XIX и XX в., которые несмотря на иногда драматические противоречия в политических польско-русских отношениях, постоянно общались, интересовались развитием и состоянием русской культуры и литературы. Важным тоже, считает Автор книги, является необходимость „проследить воздействие России и русской литературы на творческое сознание польских писателей в разные исторические эпохи...” (с. 20). И этому посвящены отдельные очерки.

В первом из них *А. Мицкевич и польский канон восприятия России* (с. 23–36) представлен выработанный в творчестве польских романтиков канон образа России и отношения к ней поляков, на который значительное влияние имел Мицкевич. Польский поэт, однако, „не ставил знак равенства между царизмом и русским народом. Хотя этому народу присуща рабская покорность, в нем есть здравые силы, ведущие борьбу за свободу” (с. 30). В произведениях Мицкевича и других польских романтиков сложился и утвердился „автостереотип поляка, главной чертой которого является неистовый протест личности, способность к жертвам и неспособность к смирению” (с. 32), что приводило к многочисленным протестам, бунтам и восстаниям.

Такой стереотип поляка складывался в романтической литературе, просуществовал и в последующих эпохах „в противопоставлении образа поляка образу русского”. Этот, созданный романтиками, канон восприятия России в противопоставлении Польше воздействовал на творчество следующих эпох и поколений. Польский романтизм, считает Хорев, перенял, дополнил и „романтизировал” существовавший ранее в польской культуре негативный образ России, который (часто в упрощенной, экспрессивной и стереотипной форме, определивший его живучесть

и распространенность), вошел в творческую память следующих поколений” (с. 36).

С именем Мицкевича, польских писателей-романтиков, в том числе Юлюша Словацкого, связан образ Сибири „как средоточия страданий польского народа” (с. 37). Во втором очерке (с. 37–50) Автор рассматривает сходные и родственные обращения „к Сибири польских поэтов, главным образом Ю. Словацкого, и русских романтиков” (с. 38), прежде всего участников декабрьского восстания 1825 г., которые реальную географическую Сибирь насыщают историей.

В следующих очерках Автор показывает историю переводов повести Николая Гоголя *Тарас Бульба* на польский язык (с. 51–58); прослеживает и обобщает мнение польских позитивистов, в основном варшавских, о России, русской литературе и культуре (с. 59–70); представляет точку зрения, мнения и позиции одного из польских русистов Вацлава Ледницкого (1891–1967) о русской литературе (с. 107–116), в высказываниях которого, как и у других польских литературоведов, выступает яркое отделение „представителей русской культуры от правителей России, особенно времени господства большевизма”. В своих суждениях Ледницкий „доказал непреходящее мировое значение высокой русской культуры” (с. 116), что по словам Автора книги, является важным и актуальным мнением и в современном мире.

Два очерка посвящает Хорев рецепции творчества Федора Достоевского в Польше. В первом *Ф. Достоевский в сознании польских писателей XX века* (с. 71–98) обращает внимание на влияние русского классика, у которого польские авторы учились „художественному мастерству, их привлекали композиция и структура его романов, самоанализ и рефлексия героев, изображение взаимоотношений между людьми, „пограничного” состояния души и т.д.” (с. 74). Автор подчеркивает тоже влияние „философских концепций, прежде всего концепции личности” (с. 75) Достоевского на польских философов (Лешек Колаковский, Юзеф Тишнер); обращает внимание на присутствие русского писателя в польском театре, кино и телевидении (с. 76). Не без основания, на основе многочисленных примеров, Автор утверждает, что Достоевский сыграл значительную роль в интеллектуальном и художественном развитии каждого поколения польских писателей 20 века (с. 95), а его слава в Польше не имеет себе равной (с. 98).

Во втором очерке „*Дети*” Б. Пруса и „*Бесы*” Ф. Достоевского (с. 99–106) Хорев рассматривает развитие польского полифонического психоло-

гического романа, которое связано с творчеством Болеслава Пруса и с обращением польских писателей к творчеству Достоевского. Наиболее „ярким примером освоения польскими писателями художественного мира Достоевского” (с. 99) является роман Пруса *Дети*, в котором нашли отражение художественные открытия русского классика, выступающие в *Бесах*.

В следующих очерках Хорев затрагивает вопрос влияния революционных действий в России на польскую литературу и отношения польских писателей к этим событиям. В первом из них *Октябрьская революция в России и польская литература в 20-е гг. XX в.* (с. 117–126) автор показывает и доказывает, что революция во „многочисленно определила общественную, идеологическую, культурную жизнь Польши в 20 гг. 20 в, наложила заметный отпечаток на творчество многих писателей” и это влияние „было многообразным – и непосредственным, и опосредственным” (с. 117).

В следующих текстах Автор подробно исследует отношения к октябрьским событиям, отдельным русским поэтам и прозаикам, связанным с революцией, многих польских творцов литературы (*Станислав Игнацы Витеквич и русская революция*: с. 127–136; *В. Маяковский и С. Есенин в восприятии В. Броневского и Б. Ясенского*: с. 137–170); рисует ситуацию поляков во Львове после 17 сентября 1939 (*Польские писатели в советском Львове (осень 1939 – лето 1941)*: с. 171–180); рассматривает творчество Галчиньского, подчеркивая прежде всего связи и обращения польского поэта „к творчеству А. Блока и С. Есенина” (с. 208), а также популярность его поэзии в России и „влияние творчества Галчиньского на проблематику и стиль ряда произведений русских поэтов” (с. 213 – *Константы Ильдефонс Галчиньски и русские поэты*: с. 207–214); пишет о литературном дневнике Анджеевского (*Ежи Анджеевский о русских писателях в литературном дневнике*: с. 215–224), в котором „множественно встречаются высокие оценки художественного мастерства Пушкина, Гоголя, Герцена, Тургенева, Островского, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина, Куприна, Бабеля, Булгакова, Шукшина, Вампилова и других русских писателей” (с. 221).

Один из самых интересных, на наш взгляд, очерков Хорев посвящает творчеству Ивашкевича, которого считает одним „из наиболее выдающихся творцов польской культуры”, которому „принадлежат сотни произведений высочайшего художественного уровня” (с. 181). В тексте *Россия и Петербург Ярослава Ивашкевича* (с. 181–206) автор делает обзор

наиболее интересных польских и русских работ о польском поэте, сожалея, что „до сих пор нет целостного исследования жизни и творчества Ивашкевича, хотя существует ряд книг об отдельных жанрах творчества писателя в разные периоды, не говоря уже о неисчислимом множестве статей, рецензий и воспоминаний” (с. 181). Привлекло внимание творчество Ивашкевича и в России, о чем свидетельствуют многие переводы и многочисленные исследовательские труды.

После короткого просмотра прозаических и поэтических достижений Ивашкевича Автор большую часть очерка посвящает роли поэта в связях не только „между прошлым и настоящим, но и между Польшей и Россией, между польской, западноевропейской и русской культурами” (с. 189). Обращает внимание, что „для формирования художественных и этических позиций Ивашкевича колоссальное значение имела история России и ее культура” (с. 190), связь польского писателя с природой и пейзажами не только Польши и Италии, но и Украины, и России.

Ивашкевич, утверждает Хорев, „был крупнейшим знатоком русской литературы, много писал о ней” (с. 191), переводил различных русских авторов и пропагандировал их творчество в Польше и подвергался влиянию разных писателей, в том числе Л. Толстого, А. Чехова, а в своих дневниках, статьях, записях „небанальные, вдохновенные слова находил... когда писал о Пушкине, Достоевском, Бунине, Блоке, Шолохове, Паустовском, Ахматовой и многих других русских писателях” (с. 192).

Через русскую литературу, ее феномен Ивашкевич, подчеркивает Хорев, старался увидеть своеобразный облик России, ее самобытную историю и культуру, утвердить ее в Польше, что помогло бы преодолеть в польском обществе всякие предупреждения и стереотипы, привести к стиранию границ, противоречий и сложностей между польским и русскими гражданами, помочь в проникновении русской культуры в польскую жизнь. Эти мысли наиболее ярко нашли свое выражение в книге Ивашкевича *Петербург*, „подводящей своего рода итог многообразным творческим связям писателя с русской литературой и культурой” (с. 194). По утверждению многих исследователей творчества Ивашкевича, эта книга является одной из наиболее значительных в польской художественной литературе.

„Сквозь призму легендарного города на Неве, Ивашкевич, не без основания пишет Хорев, рассмотрел в своей книге многие ключевые вопросы русской истории и культуры их связь с судьбами Польши и поляков. Без удивительного города, каким является для Ивашкевича

Петербург, не было бы, по мысли автора, бесподобного взлета русской литературы в XIX в., великих творений Пушкина, Достоевского, Блока и других русских художников, которые составляют гордость мировой литературы, а также и многих выдающихся произведений польской литературы и искусства” (с. 194–195).

Как нам кажется, книга очерков Хорева является очередной интересной попыткой русских исследователей показать способы и хронологию формирования польских представлений о России, русских, русской культуре на основе примеров из польской литературы XIX и XX вв. и на основе восприятия русской литературы польскими писателями, которые многократно обращались к художественному опыту русских авторов. Книга, несомненно, может заинтересовать как филологов, так и политологов, а также тех, кто занимается взаимоотношениями и взаимовлияниями между польской и русской культурами.

*Irena Rudziewicz*

**Т.В. Кабржыцкая, М.М. Хмяльніцкі, Э.Ю. Дзюкава, *Нарысы суседзнаўства: Украіна, Польшча ў прасторы і часе вачыма беларусаў: Знакавыя адметнасці міфалогіі, фальклору, культуры, нарадазнаўчых канцэптаў мастацкага твора*, Мінск 2012, ss. 227.**

W roku 2012 ukazała się książka pt. *Нарысы суседзнаўства: Украіна, Польшча ў прасторы і часе вачыма беларусаў: Знакавыя адметнасці міфалогіі, фальклору, культуры, нарадазнаўчых канцэптаў мастацкага твора* dedykowana białoruskiemu profesorowi Wiaczesławowi Ragojszowi w siedemdziesięciolecie urodzin.

Jubilat jest znany w świecie literaturoznawczym jako badacz teorii literatury, historii literatury białoruskiej, problemów w komunikacji międzysłowiańskiej, komparatystyki i autor ponad ośmiuset publikacji naukowych. Wiaczesław Ragojsza od wielu lat pracuje na Wydziale Filologicznym na Białoruskim Uniwersytecie Państwowym. Pracę naukową doskonale łączy z dydaktyczną i tłumaczeniową, a w swoim dorobku ma znaczną ilość przetłumaczonych tekstów